

ЭО, 2008 г., № 5

© **А. М. Кузнецов**. Рец. на: *Национализм в мировой истории*/ Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.

Для отечественной науки рецензируемая монография – одна из первых попыток столь широкого представления рассматриваемого феномена в его многообразных проявлениях. Значение этой работы определяется также тем обстоятельством, что среди ее авторов – не только собственно "профессионалы по национализму", но и специалисты-страноведы, которые хорошо представляют состояние националистических движений и вызванных ими общественно-политических дискуссий в конкретных государствах. Столь широкий спектр рассматриваемых вопросов заставляет ограничиться рассмотрением концептуальных оснований некоторых авторов издания и его редакторов, которые включили в монографию наряду с оригинальными публикациями переводы уже изданных работ теоретического характера.

Наибольший интерес для изучения проблемы, как мне кажется, представляет перевод лекции 2004 г. "Национализм и разум" известной исследовательницы Л. Гринфелд. По утверждению автора, уже в XVI в. термин нация стал применяться в Англии не только для обозначения церковной элиты, но и всего населения страны. Расширение значения термина было связано с изменением общественного сознания в связи с распространением в нем идей секуляризма, народного суверенитета и эгалитаризма (с. 107). Именно эти перемены и были представлены как основа для последующих политических, социальных и экономических преобразований в Англии. Л. Гринфелд постаралась преодолеть философско-материалистическую (структурно-социологическую) традицию в изучении феноменов нации и национализма. Для решения этой задачи автор попробовала отождествить национализм с современной культурой, а далее соотнести его с определенным типом социального сознания. В итоге она получила символическое представление реальности националистического толка, которое порождает современную экономику, общество и государство. Затем, в соответствии с нормой дискурса либерализма, все полученные таким образом результаты автор лекции перевела на уровень автономной личности. Совершенный автором переход от "культуры и общества" к "индивиду", по моему мнению, поставил перед ней резонный вопрос: каким образом можно связать между собой столь разные уровни исследования проблемы?

Мне представляется, что она попыталась найти ответ через использование концепта "разум", трактуя его как "индивидуализированный культурный процесс (культура, содержащаяся в голове)" (с. 114). В силу своей культурной обусловленности разум также был представлен в виде символических и ментальных процессов, в которые были включены в качестве составных компонентов идентичность, воля и символическое воображение. В соответствии со сложившейся исследовательской практикой Гринфелд включила в свой обзор категорию "идентичность". По ее мнению, идентичность – это и индивидуальный микрокосм культуры, и символическое самоопределение, и главный ментальный процесс человека, замыкающиеся на деятельность мозга (с. 115). Что касается собственно символического воображения, то оно теперь было сформулировано и как способность создавать новую информацию (с. 116).

К сожалению, взаимосвязь основополагающего для индивидуалистического уровня анализа концепта – идентичности и особо значимой для Гринфелд категории – разум остается не вполне понятной даже из общего контекста ее обзора. Поэтому основное значение работы этой исследовательницы можно связать с тем, что она показывает реальное противоречие между экономико-социально-культурным и индивидуалистическим уровнями национализма. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, уделив большое значение проблеме символического отображения и разума, Гринфелд не использует понятия дискурса.

Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений АТР Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

Можно только приветствовать включение редакторами в данную монографию обзора американского политолога Р. Суни, посвященного проблеме имперского периода в истории России. Этот специалист известен, в частности, как соредактор и один из авторов коллективной монографии "Государство наций", посвященной Советскому Союзу. Столкнувшись, как и все, кто занимается анализом сложных концептов, с многообразием и противоречивостью имеющихся определений империи, автор счел полезным для себя принять несколько исходных установок. В их числе отмечены: теории имперского выживания, упадка и распада, идеальные типы империи и нации и, наконец, формирование имперской идентичности (с. 37). Из работ своих предшественников (Дж. Армстронг, М. Дойл) он воспринял идею империи "как определенной формы господства и контроля, которая осуществляется в отношениях между двумя объектами, состоящими в иерархических и неравноправных взаимоотношениях" (с. 38). Такое определение предполагает использование понятий "метрополия" и "периферия", резко отличающихся по своему положению в имперском государстве. Кроме того, он признает важное различие между составными компонентами империи в разнице восприятия их представителями своих и чужих политик и практик (с. 40).

Р. Суни попытался представить динамику развития имперской организации и ее восприятия. Он показал, что вплоть до XX в. империя "воспринималась как высшая форма политического бытия". Но затем приоритет в признании перешел к нации-государству, а империя стала рассматриваться как обреченная на распад переходная форма организации. Поэтому распад Советского Союза стал для западных авторов (М. Бессинджер и др.), с мнением которых солидарен и Р. Суни, главным аргументом в пользу его имперского характера (с. 41). Нацию он определяет как общность людей, способную помыслить себя таковой, которая возникает на основе общего с империей процесса. Однако важно понять условия, позволяющие империи блокировать нациестроительство. Как полагает автор доклада, сделать это можно, различая два основных вида имперской организации: буржуазно колониальные и территориально протяженные. По его мнению, к концу XIX в. империями оставались лишь те государства, которые не захотели или не смогли создать национальных государств (с. 48–49). Все эти теоретические разработки затем были использованы для анализа Российской империи. Отмечая как положительный момент стремление Р. Суни понять империю в ее структурном и динамическом выражении, следует признать, что его основные методологические принципы также сводятся к способностям отдельной личности. В их числе можно отметить: восприятие, конструирование, воспроизводство, представление. Кроме того, он активно использует концепт идентичности в его имперском варианте.

В. Тишков и В. Шнирельман также констатируют существующее многообразие определений национализма и подходов к его изучению. При оценке классификаций национализма российские авторы справедливо отмечают их сугубо статичный характер (с. 5–7). Свое же предпочтение Тишков и Шнирельман отдают представлению нации, а следовательно и национализма как культурного проекта (М. Хатчинсон, М. Грох). Однако, будучи этнологами, они не могут рассматривать культуру в отрыве от этничности. Состояние самой этничности справедливо связывается и с влиянием политического фактора, в том числе с практикой классификаций различных общностей. Тишков и Шнирельман принимают точку зрения, согласно которой национализм оперирует в своей риторике не реалиями, а образами, и нам необходимо эти образы исследовать. Важное место в решении поставленной задачи они отвели символической антропологии, изучающей мышление людей.

Для понимания позиции редакторов монографии важно учитывать не только их отказ от создания общей модели национализма, но и неприятие представления о существовании единой национальной культуры. Наряду с разделением рассматриваемого явления на разные варианты сама природа национализма трактуется в данной работе как двойственная. Она означает, с одной стороны, идеологическую доктрину, а с другой – обширную символическую субстанцию. В качестве определенной идеологии национализм предполагает картину мира, составленную четко обозначенными неповторимыми нациями. В истории изучения национализма Тишков и Шнирельман вполне обоснованно выделяют два основных этапа. Первый, охватывающий 1970–

1980-е годы, характеризуется рассмотрением данного явления в основном как политического проекта (М. Грох, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Л. Гринфелд и др.). Второй этап, начинающийся с 1980-х годов, отличается преимущественно дискурсивным пониманием сути национализма (Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Р. Суни). По их мнению, моноэтнических государств никогда не существовало, и они признают лишь исторический процесс образования государств, которые с определенного момента начинают внедрять у себя идею единого народа или нации. Также негативно они оценивают тенденцию к изучению процессов нацистроительства, видя в них лишь вопросы изучения дискурса по поводу нации, отражающего прежде всего усилия элит по утверждению общегражданской идентичности под объединяющим словом "нация". Поэтому они готовы признать религиозную или цивилизационную идентичность, но, в отличие от многих зарубежных специалистов, категорически не принимают ее национальный вариант.

В своих теоретических основаниях В. Тишков и В. Шнирельман ориентированы на дискурсивное понимание концептов нации и национализма. Тем самым они идут на полный разрыв с ранее сложившейся в нашей стране традицией исследования данных явлений. Однако такой категоричный шаг представляется мне не вполне правомерным. Приняв дискурсивное понимание нации, российские авторы усвоили в полной мере присущие ему достоинства и недостатки. Наряду с заимствованными погрешностями, среди которых можно выделить невнимание к разным уровням репрезентации данного явления и сведение его только к представлениям и конструированию, они еще предложили спорную картину культурного плюрализма и полное отрицание реальности существования наций (наций-государств).

Но главный недостаток В. Тишкова и В. Шнирельмана, как и некоторых других российских авторов, на мой взгляд, заключается в том, что они переносят либеральный дискурс исследования национализма на российскую действительность без выявления причин и условий формирования норм и правил этого дискурса и того, насколько они соотносятся с нашими собственными условиями. Критика ряда важных положений либерализма, активно проводимая, например, в последнее время канадским политическим философом У. Кимликой, связана с проблемой признания значимости прав не только отдельной личности, но и национальных меньшинств и этнических групп. В этом отношении его идеи, при всей их либералистской подоснове, перекликаются с установками российского/советского дискурса, получившего выражение в разных вариантах теории этноса. Для нас более актуальна задача не просто усвоения "западного" дискурса, но его соотнесения с собственными разработками, выявления сильных сторон и недостатков каждой из научных традиций, а затем разработка новых норм и правил изучения национализма/этнонационализма. Именно эта установка, сформулированная, в частности, в работах индийского ученого П. Чаттерджи, играет важную роль в "постколониалистском" дискурсе, к сожалению, мало известном российским специалистам.

В. Тишков и В. Шнирельман успешно справились со своей задачей представления основных методологических принципов и норм современных исследований проблемы национализма. В их "Введении" и отобранных ими работах других авторов получили достаточно полное отражение основные положения "мейнстрима" либералистского дискурса анализа сложных социально-культурных явлений, к числу которых относятся государство, нация и национализм. Базовые методологические положения еще должны получить критическую оценку, но уже не по политическим или другим паранаучным основаниям, а с позиций другого научного дискурса, приближенного к российским реалиям. Если сравнить, например, основные методологические принципы теории С.М. Широкогорова (психоментальный комплекс, этнос-процесс, равновесие внутренних и внешних компонентов явлений) с нормами и правилами либералистского дискурса, то последний выглядит пока еще менее фундаментальным и оригинальным.

Основные нормы этого дискурса основываются на принципе методологического индивидуализма. Данный принцип делает ставку на способность человека к символическому представлению окружающей действительности и на ее конструирование в соответствии с целями индивида и групп, с которыми он себя склонен идентифицировать. Приведенные методологические положения не вызывали бы особого возражения, если бы при их применении не возникало нескольких разрывов. Первый из них, продемонстрированный у Л. Гринфелд, связан с противоречиями

между разными уровнями изучения проблем национализма. Каждый из этих уровней (индивид, группа и др.) предполагает свои концептуальные основания и практики при работе с ними.

Как показал Р. Суни, анализ организации различных социально-культурных и политических явлений предполагает затем изучение динамики их развития. Однако основной недостаток этого дискурса я вижу еще в одном обстоятельстве: стремлении свести всю реальность к ее символическому отображению (воображению). Понятно, что мы можем рассматривать такие явления, как нация, государство, национализм, лишь дискурсивными средствами. Несомненно также огромное влияние различных идеологем и мифологем на современную общественно-политическую реальность. Но в этом воображении многие авторы упускают из вида условия и общий контекст, при которых впервые возникли новые идеи, представления и т.д. Это особенно непонятно в случае с Гринфелд, показавшей, например, при каких обстоятельствах изменилось отношение к антисемитизму и роли женщины в США.

Бесспорно, что у идей и воображения есть своя собственная жизнь, которую следует изучать. Но при этом нельзя забывать, что есть реальные условия, при которых органично могут возникать образы, идеи, смыслы, а есть ситуации переноса всех этих символических отображений на совершенно другую реальность. Кроме того, современный методологический уровень анализа сложных социально-культурных или политических проблем предполагает изучение разных ракурсов рассматриваемых явлений (структурного, динамического, организационного, функционального и т.д.) и затем дальнейшее их сопряжение на основе принципа дополнительности. Конечно, в небольшом по объему разделе трудно проделать анализ всех возможных ракурсов той или другой проблемы. К сожалению, у нас пока мало примеров корректного приложениия этих правил к исследованию национализма и в более объемных трудах.

ЭО, 2008 г., № 5

© **О.Е. Казьмина**. Рец. на: *В.К. Семибратов. Староверы федосеевцы Вятского края*. М.: Археодоксия, 2006. 206 с.

В последние два десятилетия интерес к религии в российском обществе резко возрос, что, в частности, привело к появлению многочисленных работ религиозиеведческой тематики, особенно посвященных религиозным организациям, традиционно распространенным у народов России. Именно к таким организациям относятся и старообрядцы. Впрочем, работы о старообрядцах выходили и в прошлом, но тогда преимущественное внимание уделялось этнографической специфике их культуры. Работа же В.К. Семибратова отличается разноплановостью. В ней отражены и богословские, и религиозиеведческие, и культурологические проблемы. Еще одно достоинство работы заключается в умелом сочетании общего и частного, территориального и общенационального.

В книге В.К. Семибратова анализируется духовная культура русского старообрядчества на примере одной из его ветвей – федосеевского согласия – на региональном материале Вятского края. При этом автор считает важным и опровержение еще распространенного среди части населения представления о том, что старообрядчество – якобы отдельная конфессия, и справедливо подчеркивает, что это ветвь православия. Но иногда он, к сожалению, впадает в другую крайность и пишет слово "православная" в кавычках, когда речь идет об официальной Церкви (с. 49).

Исходной посылкой В.К. Семибратова было то, что старообрядчество Вятского края изучено недостаточно и что его глубокое познание невозможно без дальнейшего исследования жизни и деятельности яркого представителя вятских федосеевцев – Л.А. Гребнева. По признанию автора, хронологические рамки его исследования были во многом определены именно годами жизни этого выдающегося человека.